

Об'єктивну сторону даного злочину альтернативно складають: 1) створення неплатоспроможності; 2) збільшення неплатоспроможності. Даний злочин може бути вчинено як шляхом активних дій, так і шляхом бездіяльності.

Діями, що, на думку науковців, вказують на навмисне погіршення фінансового стану господарюючого суб'єкта, можуть бути: зменшення активу шляхом зняття з розрахункового рахунка господарюючого суб'єкта коштів і їх присвоєння, зниження ліквідності активів, перерахування грошей (валюти) контрагенту на підставі фіктивного договору, відсутність у бухгалтерських документах відомостей, куди витрачені гроші, які отримані за проданий продукт чи майно, збільшення заборгованості службовцям, акціонерам, фінансовим органам, різке зменшення матеріальних запасів (перебої у виробництві, постачанні), в результаті чого не виконуються зобов'язання по договорам постачання; укладення завідомо невігідних угод; прийняття на себе чужих боргів; умисна несплата податків з метою накладання на суб'єкта підприємницької діяльності штрафних санкцій; невчинення дій по поверненню боргів боржниками суб'єкта підприємницької діяльності (непред'явлення претензій, позовних заяв тощо); потурання розкраданню майна суб'єкта підприємницької діяльності, недбале ведення бухгалтерської документації, недбалий підбір ділових партнерів тощо.

Але, виділити певне окремо взяте діяння, яке має виключну направленість на створення або збільшення неплатоспроможності, можна лише в тих випадках, коли справжньої господарської діяльності немає. В процесі повноцінної господарської діяльності дане завдання є таким, яке майже неможливо вирішити. Неплатоспроможність являє собою результат складного комплексу дій, які можуть поширитись на значний проміжок часу. Тому деякі науковці при аналізі об'єктивної сторони даного злочину говорять не про конкретне діяння, а про певну діяльність, результатом якої може бути неплатоспроможність. Разом з тим, злочином може бути визнане лише визначене кримінальним законом діяння або бездіяльність, але в будь-якому випадку не діяльність. Тому, необхідно завжди визначити, які саме конкретні дії вчинила особа на досягнення мети створення чи збільшення неплатоспроможності суб'єкта господарської діяльності. Таким чином, визначені деякими науковцями шляхи вчинення даного злочину (як то недбале ведення бухгалтерської документації, недбалий підбір ділових партнерів) не можна визнати конкретними діяннями. Крім того, вказані дії характеризуються як не умисні, недбалі. Тоді як суб'єктивна сторона даного злочину характеризується наявністю прямого умислу по відношенню до наслідку у вигляді стійкої фінансової неспроможності суб'єкта господарської діяльності.

Що стосується таких способів вчинення даного злочину, як укладення завідомо невігідних угод; прийняття на себе чужих боргів; зменшення активу, шляхом зняття з розрахункового рахунка господарюючого суб'єкта коштів і їх присвоєння, не вчинення дій по поверненню боргів боржниками суб'єкта підприємницької діяльності тощо, то в даному випадку зазначені дії не відрізняються від незаконних дій у разі банкрутства. Таким чином, одні і ті ж наковці вказують на завідомо збиткові угоди як приклади, які характеризують як об'єктивну сторону незаконних дій у разі банкрутства (ст.221 КК України), так і об'єктивну сторону доведення до банкрутства.

Крім того, зі змісту ст.219 КК України можна зрозуміти, що об'єктивна сторона даного злочину передбачає як наслідок стан стійкої фінансової неспроможності не як економічний стан, а як юридичну неспроможність боржника. Отже, як і у випадку з незаконними діями у разі банкрутства, вирішальне значення для кваліфікації має факт визнання боржника неспроможним. Тобто діяння, які були незлочинними до винесення господарським судом ухвали про порушення провадження у справі про банкрутство, стають злочинними.

Слід також звернути увагу, що доведення до банкрутства не є кінцевим результатом злочину, передбаченого ст.156-4 КК. Доведення до банкрутства само по собі не може бути кримінально-карним, якщо воно не потягло за собою велику шкоду державним та суспільним інтересам, а також інтересам кредиторів. Банкрутство є лише проміжним результатом, який створює об'єктивні передумови для спричинення тяжких наслідків. Тому умислом винного повинно охоплюватись не тільки банкрутство як таке, але і наслідки, які настали внаслідок банкрутства. Суб'єкт повинен передбачити настання наслідків не тільки у вигляді банкрутства, але й витікаючої звідси великої шкоди. Тобто тут має місце поняття так званого "проміжного умислу", коли на даному етапі здійснення певних дій особа бажає одного, досягає цього, але це не є остаточним результатом, до якого вона прагне, вчинюючи певні дії. Поряд з цим об'єктивна сторона злочину, передбаченого ст.221, також передбачає як наслідок заподіяння великої шкоди, тобто обидва склади злочинів є матеріальними, що підтверджує твердження про необхідність уточнення дій, що утворюють об'єктивну сторону таких злочинів, пов'язаних з банкрутством, як "доведення до банкрутства" та "незаконні дії у разі банкрутства".

Тому, враховуючи викладене, слід, передбачаючи відповідальність за "доведення до банкрутства", розробити даний склад злочину як матеріальний, а склад злочину "незаконні дії у разі банкрутства" – формальний, оскільки відповідальність за такі дії повинна наставати незалежно від заподіяної шкоди, а також необхідно більш конкретизувати діяння, які утворюють об'єктивну сторону ст.219 КК України з метою уникнення неоднозначної кваліфікації одних і тих же протиправних діянь та призначення покарання.

Література

- 1.Науково-практичний коментар до кримінального кодексу України –К.: А.С.К., 2002.–С.475-480;
- 2.Бенедесюк І. Что день грядущий нам готовит //Бизнес, 1999. - №49 – С.86;
- 3.Михалев І.Ю. Кримінальне банкрутство – С.-Петербург., 2001. – С.75-127;
- 4.Тимербулатов А. Преднамеренное банкротство // Законность., 2000. - №2. – С.13;
- 5.Клепицкий И.А. Банкрутство как преступление в современном уголовном праве //Государство и право - №11, 1997. - С.58.

А. Зайцев,

студент Национальной юридической академии
Украины имени Ярослава Мудрого, г. Харьков

ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ОГРАНИЧЕННО ВМЕНЯЕМЫМ ЛИЦАМ

Новый УК Украины предусмотрел норму об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Таким образом, наряду с вменяемостью (ч.1 ст.19) и невменяемостью, о которой речь идет в ч. 2 ст. 19 в уголовном законе появилась норма которая позволяет учитывать психофизические нюансы, влияющие на формирование поведенческих реакций человека. Ст. 20 получила название "Ограниченная вменяемость". Она говорит о явлении, которое в различных авторских интерпретациях именуется как уменьшенная (ограниченная, пограничная, частичная) вменяемость.

В связи с законодательным закреплением категории "ограниченная вменяемость" возник вопрос о назначении наказания ограниченно вменяемым лицам. Для системности изложения взглядов многих исследователей этой проблемы, представляется обоснованным прибегнуть к тем формам отношения к ограниченной вменяемости в связи с назначением наказания, которые были выделены А.А. Жижиленко, то есть: 1) наказание снижается, но отбывается в обычных местах заключения; 2) лицо признается ограниченно вменяемым и помещается в психиатрическое учреждение перед отбыванием наказания или после, либо проходит курс лечения в специальном психиатрическом учреждении во время отбытия наказания, назначенного более мягко; 3) лицо содержится в специальном государственном учреждении для ограниченно вменяемых в порядке наказания или взамен его.

За смягчение наказания на основании одного лишь признания лица ограниченно вменяемым высказались такие авторы, как Г.И. Чечель и Ю.К. Сущенко, считая, что ограниченно вменяемые не должны становиться в равные условия с психически здоровыми лицами. Против этой точки зрения выступил А.А. Хомовский, при этом считая, что лицам с психическими аномалиями нужно назначать наказание дифференцированное, с учетом тяжести совершенного преступления, а также исходя из общественной опасности личности преступника.

Позиция безоговорочного смягчения наказания ограниченно вменяемым была подвергнута критике также А.М. Халецким и Р.И. Михеевым. В свою очередь Д.Р. Лунц утверждал, что у суда достаточно полномочий, чтобы учесть все обстоятельства дела, в том числе психические аномалии подсудимого.

Несколько иначе, но вполне сопоставимо с предложением Г.И. Чечеля и Ю.К. Сущенко, свое отношение к определению наказания в виде его снижения при осуждении преступников с аномальной психикой выразил В.С. Трахтеров, предложив назначать таким лицам наказание в виде лишения свободы, но с сокращением срока. С таким предложением едва ли можно согласиться. Краткие сроки лишения свободы не достигают цели предупреждения декомпенсации состояния и более полноценной адаптации таких лиц в местах лишения свободы. А.М. Халецкий также сомневался в целесообразности применения к психопатам кратких сроков лишения свободы.

Необходимо признать, что выше описанный подход вызывает возражение уже потому, что одна лишь констатация ограниченной вменяемости без учета обстоятельств дела не может быть основанием для безоговорочного смягчения наказания. Осознание указанного факта породило бы у лиц с аномалиями психики чувство привилегированности, расчет на меньшую меру наказания, что противоречило бы целям общей и специальной превенции. Кроме того, содержание совместно с психически здоровыми осужденными таких ограниченно вменяемых, как, например, олигофрены, тоже нельзя признать обстоятельством, способствующим их социализации, ибо среда обладает для них большей мотивирующей силой и их поведение во многом зависит от окружения.

До сих пор наиболее дискуссионным остается вопрос относительно третьего подхода в решении данной проблемы. Сторонники данного подхода утверждают, что такие осужденные должны находиться в специальных государственных учреждениях для ограниченно вменяемых в порядке наказания или взамен его. Поддерживая эту точку зрения В.П. Емельянов пишет: "Создание специальных учреждений для совершивших преступления психически неполноценных несовершеннолетних, а также и взрослых, является важным стимулом для проведения комплексных исследований взаимосвязей, обуславливающих преступное поведение этих лиц, и существенным образом повысит эффективность профилактических мероприятий, уровень исправительного воздействия. Только в учреждениях подобного типа можно будет детально изучить сферу мотивации психически неполноценного преступника, его цели, стремления, потребности и выработать у него стереотип поведения, исключающий применение к ним антиобщественных средств для достижения целей".

В рамках этого же подхода некоторые авторы предлагают организовать учреждения даже с более строгим и дисциплинирующим режимом, но эти учреждения должны быть полубольничного типа, в штате персонала должны находиться психиатры, психологи, медицинские сестры, санитары. Наказывать их надо потому, что у них не нарушено сознание совершенного ими поступка, а лечить их надо как психически неполноценных, подлежащих наблюдению врача.

Решение этой проблемы в ряде зарубежных стран выразилось в создании учреждений полубольничного, полупенитенциарного типа (в ФРГ - Аднексы, в Дании - Херстедвестер, в Голландии - Вайнер-Хофен и др.), где страдающие психопатией, совершившие правонарушение, подвергаются изоляции и лечению в соответствии с неопределенным приговором.

Несколько осторожное мнение по этому поводу высказала З.А. Вышинская. Она считает, что эта точка зрения заслуживает тщательной экспериментальной проверки, так как характер труда и воспитательной работы, а равно медицинское обслуживание этой категории заключенных в силу наличия у них соматических или психических отклонений не могут быть такими же, как у "обычных" заключенных.

Однако этот подход имеет и большое количество противников как среди юристов, так и среди психиатров. Так, по мнению Я.М. Калашника, психопаты должны содержаться в местах лишения свободы на общих основаниях наравне с остальными и при этом нужно стремиться не к концентрации их в одном месте, а к распылению по отдельным подразделениям. Медицинское обслуживание психопатов не должно отличаться от общих принципов и форм обслуживания других лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях.

Представляется, что уголовная ответственность лица, признанного ограниченно вменяемым, должна наступать на общих основаниях, но суд при назначении наказания должен иметь возможность наряду с соответствующим наказанием применить принудительные меры медицинского характера, а сами психические аномалии в свою очередь могут также учитываться судом в качестве смягчающих обстоятельств на основании ч. 2 ст. 66 УК, но ни при каких условиях не могут быть признаны обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. Наказание должно учитывать особенности данных психических аномалий с целью оптимального способа их устранения, а значит и скорейшего и наиболее полного исправления преступника и предупреждения совершения новых преступлений. Поскольку условия, при которых может осуществляться лечение какого-либо психического расстройства могут значительно отличаться от условий лечения других заболеваний психики, то и при назначении наказания должны соответственно определяться индивидуальные, наиболее оптимальные для исправления преступника с конкретной психической аномалией, вид и размер наказания. Для правильного определения вида и размера наказания нужны специальные познания, поэтому, в случаях признания лица ограниченно вменяемым, в деле должны привлекаться эксперт-психиатр и эксперт-психолог с целью дать заключение о том, какой конкретно вид и размер наказания может повлиять на исправление и социально приемлемую адаптацию осужденного, а также о том, какой вид и размер наказания целесообразно назначить конкретному лицу, имеющему определенную аномалию психики. В связи с этим представляется, что суд при назначении наказания психоаномальному лицу, руководствуясь общими принципами и правилами назначения наказания, должен решать вопрос о принуждении данного лица в период отбытия наказания к обязательному амбулаторному лечению, которое в свою очередь и будет являться неотъемлемой частью комплексных мер по исправлению преступника.